

«Аджарский вопрос» в условиях смены региональной архитектуры безопасности

Комментарий Центра АРВАК, 17.09.2026

Аннотация

АРВАК рассматривает активизацию геополитического влияния Турции в Аджарии и тенденции к пересмотру статуса региона в контексте трансформации архитектуры безопасности на Южном Кавказе. Анализируются дипломатический инцидент в Тбилиси в сентябре 2026 г., вызванный требованиями турецкой стороны о предоставлении ее силовикам права на независимую оперативную деятельность в Аджарии, а также медийные и правовые аспекты данного противостояния. Особое внимание уделено историко-правовому фундаменту автономии в рамках Московского и Карсского договоров 1921 года, масштабам экономического, демографического и инфраструктурного присутствия Турции в Аджарии, а также влиянию внешних геополитических факторов (переговорного процесса по украинскому конфликту, кризиса в отношениях Грузии с Западом и ослабления региональных сдержек) на стратегические расчеты Анкары.

Ключевые слова: Аджария, Грузия, Турция, Карсский договор, Южный Кавказ, геополитика, национальный суверенитет, экспансия, региональная безопасность, Батуми.

1. Дипломатический инцидент в Тбилиси и требования Анкары

На фоне активизации ряда геополитических процессов в регионе Турция, судя по ряду признаков, актуализирует повестку более глубокой интеграции Аджарии.

01.09.2026 г. Тбилиси посетила представительная делегация во главе с министром внутренних дел Турецкой Республики (ТР) Мустафой Чифтчи. Официальными целями визита, состоявшегося по приглашению грузинской стороны, являлись переговоры с главой МВД Грузии Сулханом Тамазашвили, посвященные вопросам противодействия международной организованной преступности, а также подписание меморандума о сотрудничестве между правоохранительными академиями обеих стран. Хотя поначалу ничто не предвещало напряженности, встреча переросла в острую полемику с выдвиганием ультимативных требований.

Как сообщают грузинские СМИ, к скандалу привело заявление Мустафы Чифтчи, в котором он потребовал предоставить турецким силовикам свободный доступ в Аджарию для проведения самостоятельных оперативно-разыскных мероприятий. Турецкая сторона аргументировала это тем, что регион уже глубоко интегрирован в пространство Турции, благодаря чему правоохранители Анкары могут контролировать там общественную безопасность без дополнительных санкций и оглядки на Тбилиси. В ответ грузинские власти отвергли подобные притязания как неприемлемые и ущемляющие суверенитет страны. Тбилиси подчеркнул, что имеющийся солидный опыт совместной работы и действующая обширная нормативно-правовая база вполне достаточны для эффективного взаимодействия. При этом было четко отмечено: Грузия не потерпит несанкционированных пересечений границы турецкими силовиками и категорически исключает их независимую оперативную деятельность на территории Аджарии.

Хотя убедительные аргументы грузинской стороны, казалось, исчерпали тему, глава турецкого МВД пошел на прямую провокацию. Мустафа Чифтчи заявил своему коллеге Сулхану Тамазашвили, что при таком подходе Анкара будет добиваться

пересмотра статуса Аджарии. Для официального оформления позиции и требований турецкой стороны М. Чифтчи пригласил С. Тамазашвили на переговоры в Турцию.

2. Историко-правовые основания автономии Аджарии

Тем самым, возможно, Анкара дала понять, что опирается на некие права, проистекающие из нормативно-правовой базы советско-турецких соглашений 1921 года. Речь идет о Московском договоре между РСФСР и Правительством Великого национального собрания Турции от 16 марта 1921 г. и о последовавшем Карсском договоре от 13 октября 1921 г., заключенном с советскими республиками Закавказья (Арменией, Азербайджаном и Грузией). Согласно статье VI Карсского соглашения, а также нормам Московского договора, суверенитет над портом и городом Батуми с прилегающими землями (нынешней Аджарией) передавался Грузии. Главным условием этой передачи являлось обязательство предоставить местному населению широкую административную автономию, защищающую культурные и религиозные права каждой общины, что и стало юридической основой для формирования автономного статуса региона. Впоследствии, после обретения независимости в 1991 г., Грузия официально подтвердила преемственность договоренностей Грузинской ССР и признала в отношениях с Турцией незыблемость договорных границ, включая предусмотренные Карсским договором положения по Аджарии.

3. Информационная эскалация и медийное противостояние

Международный резонанс вокруг тбилисского инцидента существенно усилился из-за одновременного появления в мировых СМИ видеозаписи с речью президента Турции. На этих кадрах Р. Т. Эрдоган открыто заявляет о стремлении присоединить Аджарию: *«Государственные границы не всегда являются лишь линиями на карте. Мы должны нести ответственность за судьбу наших братских народов, говорящих на одном языке, проживающих на исторических тюркских землях и верящих в единого Бога. Я верю, что Турция вернет Аджарию... и обеспечит благополучие всех тюркских народов».*

Первоначально данное видео позиционировалось в зарубежной прессе как молниеносная реакция Эрдогана на дипломатические трения в Грузии. Однако буквально через несколько дней ведущие поисковые сервисы поставили под сомнение аутентичность записи. Со ссылкой на проведенные технические экспертизы было заявлено, что аудиоряд с голосом турецкого руководителя является подделкой, сгенерированной с помощью искусственного интеллекта. Этот фальсифицированный звук смонтировали с архивными кадрами его выступления от 26 февраля 2026 г. на ифtare, где в действительности обсуждались исключительно вопросы обороноспособности страны, развития технологий и молодежной политики.

Хотя подобные утверждения могут соответствовать действительности, привлекает внимание тот факт, что по прошествии нескольких дней с момента переговоров в Тбилиси крупнейшие глобальные поисковые платформы приступили к опровержению сведений о произошедшем конфликте. Одновременно из информационного поля стали планомерно удаляться соответствующие публикации международных изданий, а в редких сохранившихся материалах акценты сместились на то, что переговоры сторон проходили в «конструктивном ключе» и в «атмосфере взаимного доверия».

Сравнительный анализ имеющихся сведений приводит к выводу, что переговоры в Тбилиси в действительности сопровождались высокой напряженностью. Тем не менее обе стороны впоследствии предприняли шаги для локализации медийного эффекта, охарактеризовав возникшие утечки как дезинформацию. Подобная линия поведения Анкары – с кампаниями по опровержению и зачистке цифрового медийного пространства – полностью повторяет ее подход после инцидентов на выборах в Абхазии в феврале 2025 года. Тогда также фиксировались факты вмешательства Турции через местную турецко-абхазскую общину и провоцирования антиармянских настроений, а турецкая сторона задействовала весь доступный инструментарий, включая непубличные контакты с Москвой, для корректировки информационного фона.

Исходя из рассмотренных факторов, складывается впечатление, что инициированная Анкарой провокация вокруг аджарской проблематики была преднамеренной, однако под воздействием определенного развития обстоятельств турецкое руководство, по-видимому, посчитало свои действия фальстартом.

В целом новость о содержании жесткого разговора между главами МВД двух стран в Тбилиси не стала неожиданностью для экспертов, отслеживающих тему турецко-грузинских отношений. Независимые аналитики как в Грузии, так и за ее пределами прогнозировали наступление этапа, когда Анкара выдвинет Тбилиси претензии на Аджарию и инициирует политический процесс по пересмотру грузинского суверенитета над Батуми. Также в аналитических кругах не стала сенсационной последняя речь Р. Т. Эрдогана, впоследствии объявленная якобы сгенерированной *«неизвестными силами»* в целях манипуляции *«аджарским вопросом»*. На самом деле турецкий лидер неоднократно заявлял, что Анкара рассматривает Аджарию как *«часть турецкого пространства»*. В частности, в октябре 2016 г. в ходе выступления в университете города Ризе Реджеп Тайип Эрдоган в контексте размышлений о возрождении сильной Турции произнес следующую фразу: *«Наши физические границы отличаются от границ в нашем сердце. Разве можно разделить Резе и Батуми?»*.

Данное высказывание вызвало большой резонанс в Грузии, после чего МИД Турции и турецкое посольство в Тбилиси экстренно опубликовали несколько заявлений, в которых заверяли грузинскую сторону в том, что президент имел в виду не пересмотр границ, а исторические и культурные связи турецкого народа с мусульманами Аджарии. Тогда дипломатам с большим трудом удалось избежать политического скандала, однако спустя чуть более 2 месяцев, в январе 2017 г., на публичном выступлении в Анкаре президент Эрдоган вновь коснулся аджарской темы, заявив, что *«безопасность Турции начинается не только с границ страны, а с Нахиджевана, Батуми, Балкан и Алеппо»*. Несмотря на активные попытки турецкого дипломатического корпуса и проправительственных медиа скорректировать восприятие высказываний главы государства, среди населения и политических лидеров Грузии сохранялась серьезная обеспокоенность. Постоянный возврат Эрдогана к этим ключевым идеям убеждал наблюдателей в том, что данные заявления не исчерпываются простым популизмом, лишенным практической основы. Напротив, в них усматривали либо непреднамеренное раскрытие стратегических замыслов Анкары, либо их осознанное и публичное анонсирование. При этом опасения по поводу сигналов Эрдогана в Грузии со временем не

ослабевали, а усиливались. Отчасти это было связано и с предельной военно-политической активизацией Анкары в регионах, которые в 2017 г. упомянул Эрдоган наряду с Батуми. Речь идет об Алеппо и зоне Нахиджеван–Сюник–Нагорный Карабах, где Турция проявила беспрецедентную инициативность и обозначила свое фактическое военное присутствие.

4. Масштабы экономического, демографического и культурного присутствия Турции

Нарастающая в грузинском обществе обеспокоенность относительно будущего Абхазии была обусловлена масштабами всеобъемлющей турецкой экспансии в стране. В Грузии наблюдались высокие темпы внедрения турецкого капитала, а также активное расширение влияния духовно-образовательных структур Турции, ориентированных на последовательную исламизацию. В вопросе репатриации турок-ахыска (турок-мехетинцев) на их «*историческую родину*» Анкара оказывала систематическое давление на Тбилиси, открыто реализуя стратегию изменения конфессионального и демографического баланса населения Грузии. Кроме того, при содействии руководства в Анкаре ведущие турецкие компании активно стремились получить льготные условия от правительства Грузии, рассчитывая взять под контроль ключевые объекты энергетической системы и стратегическую логистическую инфраструктуру страны. Подобные устремления регулярно провоцировали межгосударственные трения и вызвали волну широкого недовольства в грузинском обществе, которое расценивало турецкую инвестиционную экспансию как попытку поэтапного поглощения государства. Наиболее ярким проявлением таких протестных настроений стал кризис 2021 г. вокруг строительства Намаханской ГЭС на реке Риони. Под массовым общественным давлением власти в Тбилиси были вынуждены пойти на пересмотр условий передачи данного объекта турецким инвесторам, в результате чего компания *ENKA Renewables* окончательно расторгла контракт.

С учетом подобных настроений во всей Грузии «абхазский вопрос» ожидаемо должен был стать наиболее осязаемой проблемой для безопасности и суверенитета республики, сколько бы правительство страны, по словам его критиков, ни «*закрывало глаза*» на турецкую угрозу. Радикально настроенные в отношении Турции общественно-политические круги в Грузии прямо указывали на наличие у Анкары стратегического плана по захвату Абхазского региона. Они предупреждали, что на определенном этапе Турция официально заявит о своих правах на Батуми и легитимирует свои притязания, ссылаясь на границы, предшествовавшие Сан-Стефанскому мирному договору от 19 февраля (3 марта) 1878 г., по которому Османская империя уступила России часть Чылдырского эялета (современную Абхазию). По их мнению, это станет заключительным логическим шагом Турции, которая уже полностью подготовила почву для быстрой аннексии и присоединения Батуми к своей международно признанной территории, поскольку Абхазия, по оценкам антитурецкой фракции в Грузии, фактически полностью находится под турецким протекторатом.

Согласно данным из открытых источников, экономическое, демографическое и культурно-конфессиональное присутствие Турции в Абхазии достигло предельных значений. Турецкие инвесторы удерживают лидирующие позиции в туристической отрасли, сфере услуг и игорном бизнесе, а также контролируют ключевые секторы

местной экономики: текстильную промышленность, гидроэнергетику, промышленное рыболовство и Батумский морской порт. Особым индикатором глубокой интеграции региона в турецкое инфраструктурное пространство выступает включение аэропорта Батуми во внутреннюю сеть авиасообщения Турции.

Статистика свидетельствует, что масштабная поэтапная экспансия Анкары активизировалась в середине 2000-х годов – после отстранения «пророссийского» руководителя Аджарии Аслана Абашидзе, его отъезда в Москву и ликвидации автономии режима. С этого периода доля мусульманского населения в конфессиональной структуре региона увеличилась на 10 процентных пунктов, составив около 40% от общей численности постоянных жителей, и данный показатель продолжает расти. Данная динамика обусловлена как натурализацией и поселением в Аджарии десятков тысяч турецких граждан, так и переходом части аджарцев-христиан в ислам под воздействием государственных программ Турции по культурно-образовательному и религиозному продвижению.

В Тбилиси не могли не понимать, что подобные тенденции, подкрепляемые амбициозной риторикой анкарских политиков и популяризацией идей османского реваншизма в информационном поле Турции, неизбежно приведут к актуализации «аджарской проблемы» в рамках регионального ревизионистского курса Анкары. Опираясь на фактический контроль над экономической сферой и высокую степень интеграции региона, турецкая сторона должна была перейти к оспариванию грузинского суверенитета в Аджарии. Ключевой неопределенностью оставался лишь выбор благоприятного геополитического момента для реализации этих притязаний. Тем не менее действующее руководство Грузии предпочло игнорировать эту экзистенциальную угрозу, опасаясь спровоцировать опасную эскалацию в отношениях с Анкарой.

5. Трансформация архитектуры безопасности и внешнеполитические факторы

В свою очередь, в Анкаре могли прийти к выводу о наступлении благоприятного момента для предъявления политических претензий относительно Аджарии и, при необходимости, задействования фактора силы. С одной стороны, у Тбилиси крайняя степень напряженности в отношениях с США и ЕС, а с другой – сохраняется неопределенность в диалоге с Москвой. Поставив крест на радикальной либерализации законодательства, зафиксировав тотальный контроль над всеми ветвями власти и подавив протестную активность прозападной оппозиции, правящая партия «Грузинская мечта», по сути, лишила официальный Тбилиси поддержки со стороны Вашингтона и Брюсселя. Ранее именно они обеспечивали баланс безопасности Грузии и сдерживали внешнее давление как со стороны РФ, так и со стороны Турции.

Для Анкары открылось удобное окно возможностей для дестабилизации ситуации и инициирования антигрузинских настроений внутри самой Аджарии. Этому способствует и то, что традиционный региональный оппонент Турции – Россия – поглощена конфликтом на украинском направлении. Москва утрачивает рычаги контроля над восточно-черноморской акваторией: под постоянными ударами украинских сил ее военно-морские базы более не способны выступать серьезным фактором сдерживания турецкой экспансии.

Кроме того, РФ теряет свой ключевой геополитический оплот на Южном Кавказе в лице «союзной Армении», чье стремление к сближению с Западом неизбежно вовлечет ее в сферу турецкого геополитического влияния.

Тем самым в результате разрушения существующей архитектуры безопасности и системы сдержек в регионе Грузия оказывается в крайне уязвимом положении, что делает Аджарию потенциальным объектом для отчуждения.

В то же время турецкое руководство понимает: предстоящие трехсторонние переговоры между Москвой, Вашингтоном и Киевом способны остановить эскалацию в Восточной Европе. Анкара пристально наблюдает за предпереговорными консультациями, понимая, что в условиях дипломатических просчетов на иранском треке администрации США и республиканцам необходим серьезный внешнеполитический успех перед осенними промежуточными выборами. Урегулирование украинского конфликта превращается для команды Д. Трампа в главный приоритет, ради которого Белый дом, по всей видимости, попытается склонить Киев к компромиссам, отвечающим базовым условиям Кремля.

Однако при таком сценарии Москва вряд ли ограничится лишь урегулированием на Украине. В рамках прямого диалога с Вашингтоном Российская Федерация, скорее всего, поднимет весь спектр системных разногласий с Западом, включая вопрос об активности НАТО и возрастающем влиянии Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии. В Анкаре опасаются, что итоги этих договоренностей могут лишить ее карт-бланша на дальнейшее военно-политическое продвижение в данных макрорегионах.

Наряду с этим снижение остроты конфликта на Украине, скорее всего, способно вызвать ощутимое ослабление трений между Тбилиси и Западом. Путем взаимных шагов навстречу и поиска компромиссных решений партнеры могут выработать общий подход к геополитическому курсу Грузии. Это позволит четче определить ее стратегическую позицию и роль в соперничестве ключевых мировых центров влияния за энергетические системы, природные богатства и транспортные коридоры на пространстве от Черноморско-Каспийского региона до Центральной Азии.

Таким образом, предполагаемый план Анкары по пересмотру статуса Аджарии обретает в сложившейся геополитической обстановке идеальные условия для перехода к практическим действиям. Развитие грузино-китайского экономического партнерства в рамках проекта «Срединного пути», как и конструктивный диалог с Тегераном по развитию коридора «Север–Юг», не образуют полноценного противовеса турецкому влиянию. Ранее ключевые сдерживающие функции выполняли Москва и западные столицы. В текущих же реалиях Тбилиси остается лишь рассчитывать на гипотетическое содействие удаленных от региона Пекина и Тегерана, чем Анкара и намерена воспользоваться на «аджарском направлении».

6. Связанные территориальные сюжеты и стратегические выводы

На фоне дипломатического противостояния вокруг Аджарии особое внимание привлекает еще одно резонансное событие в Грузии, развернувшееся следом за визитом Мустафы Чифтчи в Тбилиси. В национальном информационном пространстве начала стремительно набирать обороты информация о якобы секретном соглашении, заключенном действующим премьером Ираклием Кобахидзе в 2025 году, согласно которому часть

территории монастыря Давид-Гареджи в Кахетии передается Азербайджану. Появились утверждения, что с текстом этого документа успел лично ознакомиться правозащитник Лазаре Джорбенадзе, чей уход из жизни в апреле 2026 года официально признан самоубийством. К подпитке данных слухов подключился и отбывающий заключение экс-премьер Ираклий Гарибашвили, косвенно ставящий под сомнение гибель Джорбенадзе вследствие суицида. В ответ на эти обвинения Кобахидзе 10.09.2026 г., выступая на Международном космическом саммите в Париже, подчеркнул, что за дестабилизацией стоят «*некие темные силы*», действующие в ущерб интересам государства, а «*политическая составляющая этой истории очевидна*».

Хотя информационный шум вокруг якобы секретного соглашения по Давид-Гареджи может и не иметь прямой связи с «аджарским сюжетом», совпадение по времени двух эпизодов, затрагивающих территориальную целостность Грузии со стороны союзного турецкого дуэта, выглядит весьма примечательно. Это дает основания полагать, что Анкара и Баку действуют согласованно, предпринимая очередной шаг по оказанию давления на Тбилиси в чувствительной сфере государственных границ и национального суверенитета. Главная загадка заключается в следующем: с какой целью Анкара и Тбилиси стали единодушно гасить медийную волну и удалять информацию о скандале сразу после резкого выпада Мустафы Чифтчи и широкой огласки версии о передаче монастырских земель? Является ли это лишь временной тактической передышкой или турецкая сторона, скорректировав свой взгляд на динамику геополитической ситуации в регионе, сочла демарш Чифтчи несвоевременным и решила временно заморозить этот вопрос?